
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
КАВКАЗСКИЙ
ЛИЯ СЕДАЯ
Лебедь

Лия Седая

Кавказский Лебедь

«Автор»
2026

Седая Л.

Кавказский Лебедь / Л. Седая — «Автор», 2026

Миллион просто за разговор. Целый отряд кавказцев, чтобы меня поймать. Взятки, обман и погоня. Этот мужчина идет на все, чтобы узнать кто я и провести со мной ночь.Меня забавляло все это, пока я не поняла, что игра зашла слишком далеко. Что мое сердце ему откликнулось. Но позволить себе любовь я не могу, я связана по рукам и ногам своим долгом.Только остановит ли это моего кавказца? Когда он догадается, что мы с ним видимся каждый день?

© Седая Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2. Лебедь 9
Глава 3. Лебедь 12
Глава 4. Лебедь 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 24
Глава 8 27
Глава 9. Лебедь 31
Глава 10 34
Глава 11 37
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Лия Седая
Кавказский Лебедь

Глава 1

– Госпожа Лебедь отказала вам в общении, господин Бисланов.

Официант с идеально отглаженным воротничком чуть склонился и положил на стол мою же записку.

«Нет»

Короткое слово было написано на ней быстрым росчерком гелевой ручки.

– Что, Шама, мало предложил? – хохотнул брат. Приподнял кисть, сделал жест пальцами, будто пересчитывал деньги. – Может, нужно было побольше предложить певичке?

– Позволю себе заметить, господа, – чуть улыбнулся официант. – Госпоже Лебедь предлагали суммы не меньшие просто даже за ужин, но она отказывает всем.

– Больная, что ли?

Я на Казбека не глядел.

Я глядел на слово «нет», что она мне написала. Отказала... В первый раз в жизни мне отказала женщина. Раздражало даже не это. Взбесило то, что она поставила меня в один ряд с другими такими же, кто предлагал ей деньги просто за свидание.

Обычная ведь практика, да?

Любую можно купить. Все что угодно можно купить: общение, секс, даже любовь. Но Лебедь – отказала.

Я видел, как она приехала в ресторан сегодня.

Шикарная, аппетитная... До ее выступления оставалось не больше получаса.

– Госпожа Лебедь тщательно охраняет свое инкогнито, – мальчишка-официант был идеально выдрессирован. Уловил, что мой брат снова хочет что-то спросить и сразу предупредил вопрос. – А у нас у всех в договоре прописано, что мы не распространяем информацию о ее личности. Иначе уволят.

– Шпионка какая-то, – усмехнулся Казбек. – Обычная ведь певичка, что такого? Чья-то подстилка?

Я поднял на него взгляд.

Нет, Лебедь совсем не обычная. Обычным я миллион не предлагал за просто посидеть и поговорить за одним столом.

Яркая блондинка с удивительными карими глазами и всегда скрытым под белой маской лицом. Она выходила на сцену «Кавказского Лебедя» три раза в неделю, пела две-три песни и уходила. Высокая, стройная, совершенно не вульгарная, всегда в строгом платье.

Обычные певички так себя не ведут. Те себя предлагают, эта – отказалась от миллиона за короткий разговор даже не наедине.

– Не говори про нее так, Казбек.

– А ты что, запал? – брат жестом отпустил официанта, чтобы тот не грел уши.

– С чего такой вывод?

– Раньше тебя не интересовало, что я говорю про твоих девок, – он сощурился. – Тебя ни одна не цепляла же, а сейчас мне кажется, что ты готов мне голову откусить, если я про нее что-то скажу не так.

– Она не девка, – процедил я сквозь зубы.

– Во-во. О чем я и говорю!

Я психанул.

Налил себе в рюмку коньяка, забросил его в рот и проглотил как воду. Ни вкуса, ни аромата... Отказала!

Мне...

Я поднялся из-за стола.

– Шама, ты куда? – Казбек не просто удивился, у него глаза на лоб полезли.

Мы с ним пришли в этот ресторан не просто так. Брат окончательно перебрался ко мне в Сочи, официальный бизнес требовал расширения, а заниматься мне им не очень хотелось.

Теневая сторона приносила гораздо больше.

– Пойду, пообщаюсь с хозяином птички, – я не стал забирать ветровку, оставил ее на спинке стула. – Отдыхай пока, присмотри себе девочку, их тут много.

– Шама, так не делается!

Я знал, что не делается.

Бросать брата ради бабы? Никогда такого не было. И не было бы вообще, если бы моя птичка не решила поводить мне по губам своим отказом сегодня.

Подумала, что я проглочу как все остальные?

Нет, милая, ты еще не знаешь, кому написала «нет». Шамиль Бисланов не просто так вырос до своего положения за всего лишь несколько лет. Я умею добиваться того, что мне нужно. А сейчас – мне нужна ты.

– Хозяина вашего где можно найти?

– У вас какие-то вопросы? – администраторша ресторана извивалась от желания помочь гостю. – Может, я чем-то...

– Ты нет, – я даже к ее стойке подходить близко не стал. – Мне нужен хозяин вашего ресторана и быстро.

– Я уточню, на месте ли он, господин Бисланов.

Улыбка у девушки была широкая, но насквозь фальшивая.

Отработанная на тысячах гостей, профессиональная. Если она мне сейчас скажет, что владелец уже уехал, и его на месте нет, я ни на грош ее словам не поверю. Она знает, кто я, с их рестораном моя фирма тоже сотрудничает. Я только поэтому когда-то к ним и стал ходить. Был уверен в мясе, которое им привозят мои ребята.

А встретил тут ее...

– Господин Бисланов, господин Сахаров ожидает вас в своем кабинете. Я вас провожу?

– Сам знаю.

Я не хотел грубить ей.

Я всегда уважал женщин, даже если они продавали мне свое тело под видом большой и честной любви. Так было заложено в моем воспитании, так нас с Казбеком учил отец, безумно любивший нашу мать.

А она всегда говорила, что мы не женимся, потому что однолюбы.

Не встретили свою половинку еще.

– О, Шамиль Адамович, – владелец ресторана «Кавказский Лебедь» поднялся из-за своего стола и протянул мне ладонь. – Рад видеть.

– Взаимно, Максим Олегыч, – я пожал руку и без приглашения сел напротив.

– Коньяка? – он хитро подмигнул. – Весь день хочу, но эти отчеты...

– Можно.

Он налил в пузатенькие бокалы порцию мне, а потом себе.

– Лед?

– Только портить, – я забрал у него алкоголь.

– А что привело вас ко мне, Шамиль Адамович? – хозяин ресторана не стал садиться снова в рабочее кресло. Сел в обычное кресло напротив меня. – Что-то не так с контрактами? Мы оплату не задерживаем...

– Я не по рабочим вопросам, – я отмахнулся.

– А что тогда?

– Меня интересует ваш Лебедь.

Владелец ресторана отморозился моментально.

Стало холодным лицо, отстраненным даже.

– Госпожа Лебедь не разрешает распространять о себе информацию, у нас с ней договор. Вы же сами бизнесмен, вы понимаете, чем я связан.

– Потому что я бизнесмен, я понимаю, что любой договор можно, – я посмотрел на него предельно серьезно. – Перекупить.

– Не в этом случае, – он упрямо наклонил голову. – Шамиль Адамович, поймите, я крайне положительно к вам отношусь, мы с вами партнеры, меня все устраивает. Но госпожа Лебедь – это другое. Ее данные я никогда не стану разглашать никому и ни за какие деньги.

– Личные причины или просто дань заключенному договору?

– Личные, – владелец покраснел даже.

Пиздец...

Ну, не спит же он с ней?

Представить в одной постели великолепную Птичку и этого пузатого старикана я не мог, начинало тошнить сразу же.

– Три ляма, – предложил я.

– Нет.

– Пять?

– Шамиль Адамович, – он даже за шею схватился.

Да-а, я понимал, где мы оба находимся.

Роза Хутор – место, где можно за одну ночь заработать эту сумму. Для него, как и для меня пять миллионов не такая уж и большая сумма. Но либо это ночь работы целого ресторана с кухней и сотрудниками, либо просто сумма переводом за несколько слов.

– Десять, – добил я его.

– Нет, Шамиль Адамыч, – Сахаров почти плакал от расстройства. – Не могу!

– Вы же понимаете, что я не отступлюсь? А могу я многое. Продажа мяса не единственный мой бизнес в Сочи.

– Не нужно мне угрожать, Шамиль Адамыч, – он выпрямился в кресле. – Я не могу ограничить вас в ваших действиях, но свои обязанности я буду выполнять так, как положено.

– Чудно, – я поставил бокал с коньяком на деревянный подлокотник кресла, так и не пригубив его. – В таком случае, предупредите персонал, чтобы они ничего не пугались. Физического урона никому причинено не будет.

Оттолкнувшись, я поднялся с кресла.

Разговаривать больше не о чем, а вот непоняток стало еще больше. Что, блядь, это за баба такая? Кто она?!

– Шамиль Адамович...

– Всего хорошего, Максим Олегович, – я даже ему улыбнулся. – Наши менеджеры уладят вопросы сотрудничества без нашего участия, я думаю.

– Шамиль Адамович! – он тоже вскочил.

Я поднял руку в прощальном жесте.

Окей. Я все понял. Даже уважаю, за слова надо отвечать. Вопрос я свой не решил адекватными методами, придется решать их своими. О том, чтобы отступиться от того, что я хочу – я даже не думал.

Я ее хочу.

Она станет моей, и срать я хотел, какими методами и способами. Птичка в силках застрянет, я клянусь. Иначе я – не я. Я достал телефон на ходу и набрал брата:

– Казбек, вызывай ребят сюда. Пусть оцепляют здание нахрен.

Друзья, у нас очередная смешная и остренькая новинка!Буду рада вашим комментариям и оценкам. Добавляйте книгу в избранное, будем читать!

Всех обняла, ваша Лия Седая

Глава 2. Лебедь

– Карина! – он ввалился без стука.

Я обернулась.

– Максим Олегович? – хозяин ресторана, где я пела три раза в неделю, стоял у дверей и держался за левую сторону груди под пиджаком. – Что случилось? Вы что, бежали?

– Карина, тебе нужно уехать!

– Куда? – я совсем перестала что-то понимать. – Да отдышитесь же вы! Что случилось?

Я все же встала от зеркала.

Видеть старого друга нашей семьи в таком виде было странно. Он всегда был очень тактичным, сдержанным человеком.

– Ох, – он наконец-то выпрямился. Отлепился от дверного проема и вошел в мою гримерку полностью. – Карина, тебя ищут.

– Кто? – я ничего не понимала.

– Бисланов, – Максим Олегович махнул на меня сразу обеими ладонями. Спохватился, обернулся и закрыл за собой плотно дверь. – Шамиль Бисланов. Он приходил ко мне буквально вот, он наш партнер, он нам мясо поставляет.

– И что? Я при чем? Я на мясо не похожа.

– Карина, он спрашивал про тебя! Предлагал мне огромные деньги за информацию. Десять миллионов, Карина!

Воздух в гримерке моментально стал морозным. Захолодил мне кожу, заставил поежиться невольно.

– И вы ему ее дали?

– Ты за кого принимаешь меня? – возмутился Сахаров. – Карина, я твоего Тимура двадцать лет знал. Если бы не он, меня бы в десятом году в бетон закатали под этим рестораном, я ему по гроб жизни обязан. И тебе я своим здоровьем клялся, что никто не узнает, кто под этой маской поет, ты не помнишь?

– Я помню, Максим Олегович, – ответила я тихо. – Спасибо, вы единственный, кто Тимура помнит. Но с Бислановым что?

– Он тебя хочет, – он обессиленно опустил руки. – И когда понял, что купить тебя через меня не сможет, сказал, что будет действовать своими методами. Предупредил, что никому из персонала ничего не угрожает. Ты понимаешь, что это значит? Уходи немедленно! Уезжай домой!

Нет, страшно мне не стало.

Мне стало горько. Опять? Еще один?

Сколько их уже было, влюбленных в Лебедя, в мою маску?

– Я так понял, он пытался разузнать про тебя у персонала, но не получилось. И тогда он пришел ко мне напрямую, – Сахаров развел руками. – Ну, что ты стоишь? Передумала скрываться?

– Нет, не передумала, – я повернулась к гримерному зеркалу и аккуратно сняла с себя маску.

Женщина, что отразилась в блестящем полотне, была уже не такой красивой.

Светлый, но корявый шрам стягивал кожу возле правого глаза неровными буграми. Под слоем косметики он становился менее заметен, но я знала каждый его миллиметр. Шесть лет назад лобовое стекло Мерседеса рассыпалось стеклянным крошевом. Оставило мне на память его, а моему мужу...

– Мне нужна какая-нибудь одежда, – я не стесняясь Максима Олеговича, дотянулась до замка на платье и расстегнула его. – Любая, простая. У меня с собой ничего нет, я в концертном приехала сегодня.

– Сейчас сделаем, – он выскочил из гримерки.

Значит, Бисланов...

И он действительно пытался надавить на официантов, чего только стоит его записка с предложением сходить на свидание за один миллион рублей. Чего ж не десять предложил, как Сахарову?

Мне было бы гораздо приятнее писать ему отказ.

Я стянула с себя платье, бросила его как тряпку на спинку стула. К черту! Никаких поклонников мне даром не нужно. Ни за какие деньги. Я свои деньги зарабатываю сама с той самой аварии. Я не торгую собой. Только Бог знает, сколько раз мне хотелось снять свою маску на сцене, чтобы все эти напичканные деньгами бизнесмены узнали правду.

Что их Лебедь пять лет кормила с ложки своего мужа.

Что все его друзья, коллеги-генералы и приятели, которые так любили гулять в нашем доме, резко забыли к нам дорогу после его инсульта и полного паралича после аварии. Чтобы узнали, как я продала московскую квартиру, дачу, наши машины, потому что нужны были деньги на реабилитацию. Что уже год как Тимур впал в кому, и я перевезла его сюда, на юг. В клинику, где ему просто поддерживали жизнь, а я оплачивала большие счета из последних сил. Я не могла его отпустить на тот свет... Я билась до последнего.

Когда-то он дал мне все.

– Кариночка, вот! – дверь приоткрылась и в нее пролезла рука Максима Олеговича. – Переодевайся, я тебя выведу через кухню.

– Спасибо! – я схватила одежду, что он принес.

Сахаров – единственный, кто, как и я, не забыл Тимура.

Он даже предлагал мне просто давать деньги ежемесячно. Но я отказалась, милостыню я не брала даже ради мужа. Хотя бы петь предложила в ресторане в качестве отработки. У меня был очень хороший голос, я знала об этом.

Напялив на себя чужую футболку длиной почти мне до колен, я накинула сверху ветровку. Пахнет сигаретами, но плевать. Все постираю и верну владелице обязательно.

Хорошо хоть балетки у меня тут есть свои!

Я в них репетировала обычно, чтобы ноги в туфлях не убивать.

– Оделась? – Максим Олегович снова заглянул. – Давай быстрее. Мордовороты Бисланова, наверное, уже у всех выходов встали.

– В каком смысле? – я застегнула молнию на куртке до горла.

– В прямом! Я же сказал, что он тебя искать будет.

– Что это за дичь такая? Он что, ненормальный? – я вышла к хозяину ресторана в коридор.

– Хуже, Карина, – взгляд у него был добрым и сочувствующим. – Он умен и берегов не видит, кажется. Карина, косметика! Волосы!

Я поняла его сразу же.

Метнулась обратно к гримерному зеркалу, схватила ватный диск и мицеллярную воду. Несколько движений и вместо дивы в зеркале отражалась замученная женщина. Синяки под глазами от вечного недосыпа, бледная кожа и шрам во всей красе.

Не узнает он меня!

Невозможно это.

Попадаться в лапы какому-то местному мясному царьку я не намерена. Я выдернула шпильки из прически, растрепала волосы пальцами и свернула на макушке обычную женскую гульку. Стянула ее резинкой.

Вот так отлично!

– Карина, может, у меня в кабинете пересидишь до утра? – вдруг засомневался Сахаров в собственной же идее. – Поспишь на диване, а утром он, надеюсь, уедет.

– Мне утром в отеле шваброй махать, вы же знаете, – я закрыла гримерку и пошла вдоль по коридору. – Вы мне объясните, как через кухню выйти, я одна пойду. Если он нас увидит рядом, то поймет все.

– Кепку бы тебе какую-то...

– Максим Олегыч! Давайте не будем в шпионов играть. Идти куда?

Я постаралась запомнить все, что он мне объяснял.

Еще раз сказала спасибо за предупреждение и пошла. Заставила себя вспомнить на ходу, что я уже не Лебедь. Я – Туркубиева Карина. Одинокая женщина, которая смертельно устала нести свой крест, но иначе не может.

И плечи сразу согнулись.

Походка стала тяжелой. Я прошла через кухню, не обращая внимания на взгляды поваров. Подхватила у технического выхода один из черных мешков с мусором, прижала его к груди обеими руками. Вот сейчас страшно!

Но делать было нечего, на металлическую ручку двери я надавила со всей силой.

Вытолкнула ее наружу боком, по-другому не смогла бы просто отжать тугой доводчик.

– Стоять! – мне сразу же заступила дорогу высокая темная фигура.

– Ой! – я не удержала вскрик.

Понимала, что ждать будут, но все равно испугалась.

– Кто такая? – от стоящей неподалеку черной машины отделился один из мужчин и пошел в нашу сторону.

– Ты кто? – повторил вопрос тот, кто стоял передо мной.

– Уборщица я, – я постаралась сделать голос глуше. – А что происходит? Вы кто такие?

– Ну-ка!

Жесткие пальцы подошедшего мужчины ухватили меня за подбородок, вздернули его кверху.

Я резко прикрыла веко.

Знала, что с закрытым глазом шрам выглядит еще страшнее.

– Не она, – меня брезгливо отпустили. – Пусть идет, Казбек.

– Шагай...

Я еще крепче обхватила мешок с мусором.

Обошла их обоих стороной, забросила свою ношу в контейнер ресторана. Спрятала руки в карманы куртки и торопливо вышла с территории. Это он! Это был сам Бисланов!

И я его, оказывается, знаю!

Глава 3. Лебедь

Номер тридцать два.

Я провела одной ладонью по другой. Скрипнула резиной нарочно, чтобы напомнить себе кто я и где я. Униформа горничных в отеле – коричневое платье до колен с широкой юбкой, белый передник и косынка, под которую мы были обязаны убирать волосы полностью. Вчера я стояла к Бисланову лицом к лицу с открытыми волосами, сегодня – я еще более закрыта.

Он не узнает. Я для него буду пустым местом, как и вчера.

Это я знаю, что богатенький постоялец, который живет за этой дверью – не просто хамоватый мужчина, раскидывающий полотенца в ванной и не закрывающий за собой крышку унитаза. Теперь тут обитает Шамиль Бисланов.

Мужчина, которому не жаль десятка миллионов за то, чтобы меня изловить.

– Если бы можно было отказаться, - пробурчала я, доставая карточку от номера.

Через четыре дня мне закрывать очередной ежемесячный счет из клиники.

Буду капризничать на уборке люксов – вылечу из отеля как пробка. И без зарплаты из отеля я не выживу. Тимур не выживет.

– Служба горничных, – я дисциплинированно постучала два раза в дверь.

Ти-ши-на.

Ну, разумеется. Девять утра – самое дурацкое время.

Кто-то из жильцов уже умчался развлекаться или по делам, кто-то только переворачивается на другой бок. Я покосилась на себя в зеркало в коридоре. Нормально все будет, Кариш. Десять секунд и служебная мастер-карта открыла мне дверь номера.

В прихожей номера пахло терпким мужским парфюмом.

Пара дорогих черных туфель. Их я вчера видела, да. На самом Бисланове, правда. Значит – их хозяин дома. И судя по закрытым шторам в гостиной и тишине из приоткрытой двери в спальню – он спит после ночной охоты на певиц.

Я схватила стопку чистых полотенец с тележки и нырнула в ванную.

Быстренько все сделаю и испарюсь!

Знакомые каждой женщине движения успокаивали. Мозг переключался на них и ловил привычный ритм уборки. Я как раз наклонилась над смесителем на раковине, стирая с него пену для удаления налета, когда дверь резко и на всю ширину распахнулась.

– Ой! – я не удержалась от испуга.

Обернулась, прижала руку с мокрой губкой к груди.

– А, уборка...

Он стоял в дверном проеме в одних домашних штанах. Высокий, крупный, но без единого грамма жира на теле. Мускулистый, чуть взъерошенный после сна, щурился от яркого света верхних ламп.

– Доброе утро, – я опомнилась и опустила и голову, и взгляд вниз. – Извините за беспокойство. Если вам неудобно, я могу зайти попозже.

– Да норм, – Бисланов спокойно махнул пальцами. – В гостевом отолью, ты не мешаешь.

Он развернулся и пошел в прихожую, бесшумно ступая босыми ступнями по паркету.

Я перевела дух.

Ну? Что и требовалось доказать. В глазах Бисланова я не человек даже. Так, средство для мытья унитаза с функцией разговора. Я со злостью стерла остатки чистящего средства с крана.

Вода в гостевом туалете зашумела и стихла.

Бисланов прошел мимо ванной, где была я, пошуршал своей одеждой в шкафу прихожей. Щелкнула зажигалка и до меня долетел легкий запах вишневого табака.

– Але, Казбек, – голос у мясного короля Красной поляны был еще хриплым спросонья. – Ну, что? Новости есть?

Казбек!

Он вчера так называл того, кто перегородил мне путь у выхода из ресторана!

Я прижалась грудью к дверному проему ванной, прислушиваясь к разговору в гостиной. Как хорошо, что в отеле шикарная акустика. Удобно подслушивать жильцов!

– Да, конечно, это Сахаров. Предупредил ее по-любому, а птичка быстро летает. Будем знать, что.

Я даже улыбнулась.

Спасибо за комплимент, Шамиль. Ты еще не знаешь, на что способна женщина, стремящаяся избежать твоего назойливого внимания.

– Нет, сегодня дергаться смысла нет, – продолжил он разговаривать. – Сахаров не идиот, да и сегодня понедельник, у нее день пустой. Она в среду только появится в ресторане, я же ее график знаю уже. Казбек, иди нахрен!

Я нервно зажевала собственную губу.

Значит, вчера это был не импульсивный поступок. Бисланов за мной уже какое-то время наблюдал, выучил мои рабочие дни. Это плохо. Это очень плохо. Его мужской интерес подогревался какое-то время, значит, он быстро не отступит.

– Нет, в среду осечки не будет, я тебе клянусь. Я ее из-под земли достану. Из-под сцены, мне похер. Хотя, стой...

Я вытянулась в струночку.

Давай, Шамиль, давай! Остынь, оставь. Скажи, что тебе это все не нужно. Есть же куча доступных женщин, даже в этом же отеле они есть. Позвони и тебе подберут любую!

– Мы не будем скакать баранами, Казбек, – Бисланов шумно выдохнул табачный дым и засмеялся. – Ее хозяин вчера клялся мне, что информацию не продаст ни за какие деньги. Но он же бизнесмен, а она у него не за бесплатно поет, это точно.

Я вцепилась пальцами в деревянный откос на двери.

Даже резина перчаток не спасла, я кожей почувствовала структуру дорого дерева от давления на нее. Не-ет...

– Подними все счета Сахарова, Казбек, – Бисланов заговорил жестким деловым тоном. – Через налоговую или банк, мне срать. Найди через кого. К вечеру у меня должна быть вся бухгалтерия «Кавказского Лебедя», все за последние два месяца. Переводы и оплаты физлицам, самозанятым, ипэшникам. Трудовые договоры подними. Каждую женскую фамилию берем, понял? Каждая, которой он платил хоть копейку!

К горлу подкатила дурнота.

Это в отеле я работала с первого дня официально. А Максим Олегович предлагал мне платить наличными. В конверте, мимо своей бухгалтерии. Вот как раз для того, чтобы не освещать нигде нашу с Тимуром фамилию. И я согласилась изначально на это, меня вопрос серой зарплаты не волновал.

Но четыре месяца назад клиника изменила подход: они стали принимать оплату только через банк, официальными переводами.

И чтобы у банка не возникло вопросов к регулярным пополнениям, мне пришлось устроиться к Сахарову официально. Так зарплата поступала на счет правомерно, и проблем уже можно было не опасаться. Обычный трудовой договор между ООО и Туркубиевой Кариной Руслановной на консультационные услуги. Я ведь и правда, оказывала их тоже. Меню переводила для иностранных гостей, это моя специализация, я переводчик.

– Да-а, – довольно пророкотал в гостиной Бисланов. – Просто отфильтруем ненужных, официанток, поварих и уборщиц. Останется наша птичка с адресочком и счетом. А дальше дело техники. Давай, работай, к вечеру жду расклад от тебя.

Я услышала, как он положил телефон на стекло журнального стола, и отскочила от двери. Обернулась и увидела в зеркале свое бледное лицо.

Бисланов найдет мои данные в ресторане, это точно.

А значит – времени у меня примерно до вечера.

Глава 4. Лебедь

В ванной я проторчала непростительно долго.

Уже дважды отмыла до скрипучего состояния зеркало, надраила сухими полотенцами смесители и стеклянную перегородку душевой. Разложила полотенца так, что линейка ровнее не показалась бы. И ждала все это время!

Ждала, что Бисланов соберется и уйдет куда-нибудь.

Бизнесмен же! Должен быть занятым человеком.

Выходить к нему лишний раз казалось опасным. Вчера у ресторана он мой шрам видел. Сегодня утром я тщательно замазала его тональным кремом и косыночку повязала так, чтобы максимально прикрыть, но... Если он присмотрится – заметит. Сопоставить вчерашнюю сотрудницу из клуба и сегодняшнюю уборщицу с одинаковой приметой – легко.

Слишком много совпадений будет, а Шамиль Бисланов умен.

В номере стояла тишина, а мое время на его люкс закончилось. У меня ведь еще несколько номеров, выйти пришлось.

– Шамиль Адамович, – я дисциплинированно обратилась к гостю по имени отчеству, но встала левым боком. – У меня стоит отметка, что у вас четыре дня не меняли постельное белье. Я могу пройти в спальню?

Чертовы правила...

Чего ему не работается? Я бы спокойно все сделала.

– Мы знакомы? – он удивленно отвлекся от телефона на мой голос.

– Нет, – я чуть качнула головой. – Мы просто обязаны запоминать имя-отчество всех наших гостей.

Бисланов задумчиво хмыкнул.

– Какая клиентоориентированность, однако.

Я промолчала.

Комментировать настроения гостей в мои обязанности не входило, и делать этого я не собиралась. Просто стояла и ждала его ответа.

– Нет, не нужно менять постель, – лениво отозвался он. – Из четырех ночей, что я тут живу, я спал в ней только одну.

Я не выпустила едкую ухмылку на лицо.

Конечно. Такой красавчик да с миллионами в кармане! Скакал по шлюшьим кроватям, какой уж тут сон в одиноком гостиничном номере. Вот по ним бы и прыгал дальше, а не планировал меня ловить.

– Хорошо, – опять кивнула я. – Тогда я передам, чтобы вам завтра все обновили.

– Ладно.

Я попрощалась с ним и вышла в прихожую.

Та-ак, бежим!

– Постой...

Вот черт!

Я опять не услышала шагов, но Шамиль Бисланов неожиданно вышел за мной в прихожую.

– Возьми, – он протянул мне купюру.

– Что это? – я немного растерялась, глянула на него удивленно.

– Чаевые, – его губы растянула улыбка.

Красиво, белозубо. С той самой хозяйской ленцой, от которой у многих женщин, наверное, подкашивались колени.

– За каждый раз закрученный тюбик в ванной.

– Это моя работа, – отрезала я, не прикоснувшись к его деньгам. – Хорошего дня, Шамиль Адамович.

Я выскочила из номера, захлопывая за собой дверь.

Дурочка! Нельзя с ним много болтать! Нельзя привлекать внимание, нельзя брать у него деньги! Минимум контакта, Карина, иначе ты сама себя закопаешь!

Тридцать третий номер я открыла космически быстро.

Гости отсюда еще утром съехали, он был пуст. Но мне было не до уборки. Я стянула перчатки, сжала ладони – они были вспотевшими от стресса. Я вытерла их прямо о фартук и достала свой сотовый.

Больше мне звонить некому!

– Максим Олегович, здравствуйте!

– Доброе утро, Карина, – поздоровался мой старый друг. Голос у него был встревоженный. – Как ты после вчерашнего? Все спокойно?

– Максим Олегович, мне срочно нужно, чтобы вы убрали из бухгалтерии ресторана все переводы на мой счет. Вообще, любое упоминание моей фамилии!

На том конце провода повисло растерянное молчание на несколько секунд.

– Карина, но это же невозможно при всем моем желании, – Сахаров вздохнул.

– Давайте сделаем хоть что-нибудь! – взмолилась я, ничего не соображая. – Аннулируем договор. Увольте меня задним числом, вот!

– Карина, – твердо позвал меня мой работодатель. – Даже если я тебя уволю задним числом, переводы от этого не исчезнут. Они зарегистрированы банком. Ты же умная женщина, успокойся для начала. Ты должна понимать простейшие вещи. Зачем тебе это понадобилось?

Я бессильно опустилась на пуф в прихожей номера.

В зеркало себя увидела, схватилась за косынку от отчаяния, прижала ладошку к своему шраму. Да понимаю я... От отчаяния уже не знаю, что делать.

– Бисланов, Максим Олегыч. Он приказал кому-то из своих людей поднять все переводы Лебедя. Все, до копейки! Чтобы меня вычислить, понимаете?

Сахаров тихо выругался в сторону.

– Откуда ты это знаешь?

– Неважно, – я подтерла нос ребром ладони. – Главное, что к вечеру у него будут на столе мои паспортные данные.

Отчаяние было таким огромным, как море, к которому я спускалась изредка в Адлере. Хотелось позорно разреветься, но сделать так я не могла себе позволить.

Я на работе еще.

– Слушай меня, – Сахаров первым взял себя в руки. – Я тебя понял, я попробую как-то защитить наши данные, но... Раз уж он настроен настолько серьезно, то может быть стоит с ним встретиться первой? Сказать ему нет четко и ясно. Он довольно разумный мужик вообще-то, не дикарь же. В мешок тебя не засунет.

– Ага. Сразу все поймет и отстанет, да? – сыронизировала я. – Максим Олегович, он ресторан оцепил и вам десять миллионов давал. Вы верите, что он поймет слово «нет»?

– Ну, а какие еще варианты, девочка моя?

Вариантов не было.

Я посмотрела вглубь номера, который мне предстояло подготовить к встрече новых гостей, и вздохнула.

– Ладно, я поняла. Извините, что я вот так...

– Что делать будешь? – спросил Сахаров.

– Мне сегодня после обеда еще к Тимуру заехать нужно, в клинику, – я поправила косынку как положено. – Максим Олегович, а можно мне дни выступлений поменять?

– В каком смысле?

– Я завтра должна петь по графику, а можно сегодня я тоже отработаю?

Лучше уж я встречу Бисланова на территории Сахарова, в окружении людей. Сидеть дома и трястись, что он придет и выломает мне дверь – куда как хуже.

– Конечно, Карина, пожалуйста, – согласился Максим Олегович. – А что так?

– Просто завтра он точно будет меня ждать в ресторане, – хмуро объяснила я свои страхи. – А мне деньги нужны за смену уже сегодня.

– Я понял. Хорошо, я предупрежу, что ты подъедешь сегодня.

Я убрала телефон обратно.

Натянула перчатки снова, отбросила мысли о Бисланове. У меня работа! У меня Тимур! Вот чувствую, что из клиники не просто так позвонили. Что-то явно нехорошее снова случилось.

К часу дня вся работа была сделана.

Я сдала старшей горничной инвентарь, переоделась и выскочила из отеля.

Оглянулась воровато, не смогла удержаться от этого движения. Но Шамиля нигде видно не было. Ура! В маршрутке я его точно не встречу, так что можно было немного расслабиться.

Но это был самообман.

Голову я отключить не смогла. В нее лезли мысли о Тимуре. О Бисланове и о том, что мне ему сказать, когда мы все же встретимся. Это неизбежно случится ведь... Такие, как он, не отступают.

– А, Карина Руслановна, – главврач частной клиники поднял голову от документов, когда я постучала и вошла в его кабинет. – Только вас вспоминал.

– Здравствуйте, Аркадий Борисович, – я сняла ремешок сумки с плеча и присела на стул. – Как Тимур?

– Все так же, – врач сцепил пальцы в замок. – Все стабильно, кома глубокая. Положительных новостей в этом плане у меня для вас нет.

Я порывисто вздохнула.

Положительных нет, а какие есть? Я знала, что после пяти лет паралича и года в глубокой коме чудес ждать не стоит. Но дурацкая, человеческая привычка спрашивать как дела – осталась.

– Карина Руслановна, я вас для чего позвал, – врач посмотрел на меня поверх очков.

– Для чего? – мне стало почти физически плохо.

– Обсудить финансовую сторону нашего с вами вопроса. Со следующего месяца плата за медикаменты и содержание вашего мужа в клинике подрастет. И ощутимо, к сожалению. Поставщики подняли цены на импортные расходники на тридцать процентов, я уже утвердил новый прайс.

Я ахнула...

Тридцать процентов?! Я нынешний-то счет закрывала, выгребая с карточки все до последнего рубля и спиваясь дешевым растворимым кофе между двумя работами.

– Аркадий Борисович, – севшим голосом позвала я его. – Но мы же с вами подписывали договор на фиксированную сумму до конца этого года...

– Форс-мажор по медикаментам, – он развел руками. – Пункт четвертый, перечитайте договор дома.

Я медленно закрыла глаза и попыталась вдохнуть чистый кондиционированный воздух его кабинета.

Господи, что же мне делать?

– Карина Руслановна, – вдруг намного мягче сказал главврач. – Я все понимаю, новость не из приятных. Сумма действительно велика. Особенно для такой молодой и красивой женщины, как вы. Может быть, вам стоит перестать тянуть это все в одиночку и... Скажем, найти каких-то состоятельных покровителей? Понимаете, о чем я?

Глава 5

– Почему некоторые люди не берут чаевых за хорошо выполненную работу?

Я задумчиво посмотрел на бармена, перед которым сидел уже второй час и никак не мог допить порцию виски.

– И почему те, кто хреново ее делают – от чаевых не отказываются?

– Я плохо вас обслужил? – сразу напрягся парень. – Что-то не так?

– Да не к тебе вопрос, – я отмахнулся. – Просто, теоретически.

– А, – он пожал плечами. Он явно работал на барах уже давно, к неожиданным вопросам гостей привык. – Ну, бывают такие. Как правило, гордость. Фигово им брать деньги от других людей просто так.

Гордость...

Я посмотрел, как дробится свет в хрустале стакана. Лебедь тоже гордая. Что в ней такого? Даже Казбек заметил, что я на нее запал. Ну, красивая баба, да. Так мало их, что ли?

– Такие гордые, – натирая очередной бокал бумажным полотенцем, бармен продолжил развивать мысль. – Вечно в заднице сидят. Зарплаты у нас не так чтобы. А чай помогает прожить. Я, например, никогда не отказывался.

Я дернул углом рта, обозначая улыбку.

Делить людей на группы по роду деятельности мне никогда в голову не приходило. Работа у каждого своя, кто на что способен. Но почему-то утренняя горничная своим отказом мне в душу запала.

Столько достоинства в ней было, когда она деньги не взяла.

Я забросил в рот остатки виски и проглотил одним глотком. На философию потянуло, бля. Совсем все херово, видать.

– Повторить? – сразу же отреагировал бармен.

– Не, – я достал из бумажника купюру и положил на барку. – Чаевые.

– Спасибо, – он понятливо ухмыльнулся и купюру забрал.

Твою ж мать, где Казбек?

Брат как уехал утром в Сочи, так там и торчал. Матерился, что в банках сидят одни идиоты, которые не понимают, что от них хотят нормальные люди. Учитывая, что он требовал от них сделать совершенно незаконные действия – меня его возмущение веселило.

Мотор машины привычно взревел под капотом.

Я выехал с парковки казино, что еще толком и не начало работать. Ночь была впереди, в Красной Поляне будни и выходные не имели значения. Я любил это место, здесь деньги лились рекой. Тут был особый дух гор, свободы и богатства.

– Только где, блядь, моя свобода? – я сжал пальцами оплетку на руле так, что кожа заскрипела.

Осознал, что морда машины почти уперлась во вход «Кавказского Лебедя».

Как я сюда приехал? Я же хотел в отель вернуться! Зачем?!

– Какая-то сраная дичь творится, Шама, с тобой, – я со злостью толкнул дверь наружу и вышел.

Воткнул в зубы сигарету, потому что злило все до ужаса.

– Казбек, ты где? – рявкнул я в трубку телефона. – Время восемь, где тебя носит до сих пор?!

– Воу, воу! – брату было весело. – Полегче, Шамиль. Я все везу, никуда твоя птичка не денется, не нервничай.

– Ты все достал? – сбавил я обороты.

– Обижа-аешь, – протянул он. – И это все стоило дешевле миллиона, заметь.

Я раздраженно сплюнул себе под ноги. Зато с миллионом было бы быстрее и куда приятнее. Потому что пока вот такими обходными путями я ее найду, столько времени упущу. Уже вчера можно было бы отдыхать с этой белокурой волшебницей, и проснулся бы я в ее сиськах, а не в мятой подушке отеля.

– С-сук, – цыкнул я опять.

Отвернулся от яркой вывески, уже горящей в темноте горного вечера.

– Что опять не так?

– Да я не тебе, – я разговаривал с братом, а взглядом зацепился за подъехавшее почти вплотную к моей машине такси.

С заднего сиденья быстренько выскреблась блондинка в черной короткой курточке.

Блондинка!

Я тут же себя одернул. Что теперь, из-за птички на всех блондинок кидаться? Ну, красивая задница, да. Хорошая.

Девушка повернулась ко мне, мазнула по мне взглядом, закрывая дверь такси. И тут же отвернулась, сразу же! Только я все равно успел заметить шрам на ее лице. Так это же уборщица или кто она там была вчера? С мешком мусора, которую Казбек перехватил. Тот же самый пучок из волос на голове, то же самое лицо и даже взгляд тот же.

– Нихрена себе, – оценку я выдал, не подумавши даже.

– Что, Шамиль? – опять позвал меня не понявший ничего Казбек.

– Не херово Сахаров своему персоналу платит, скажу я тебе. У него уборщицы на работу на такси приезжают, прикинь?

– Ты что, опять у этого ресторана торчишь? Братишка, ты больной?! Мы же в отеле договаривались встретиться! Я уже подъезжаю.

– Подъезжай сюда.

– Ты собираешься рыться в этих документах в самом Лебеде?!

– Да, давай, жду, – я сбросил звонок.

Какое-то гадкое чувство подставы.

Интуиция у меня всегда работала хорошо, очень сильно помогала мне в работе даже порой. А сейчас она визжала сиреной в душе! Не ездят уборщицы на бизнес-классе. Этого просто не может быть.

Даже с учетом чаевых!

– Шама, это пиздец, – я уперся двумя руками в капот тачки. Опустил голову ниже плеч, заставляя себя выдохнуть. – Это пиздец...

Паранойя просто какая-то.

Лебедь в своем белоснежном платье и с маской на лице стояла перед глазами. Глубокий голос каждый раз мне втыкал невидимые иголки в сердце. Она всегда пела про любовь, но не сладкие дурацкие современные песенки, в которых не было смысла.

Она про настоящую любовь пела. Она будто знала, что такое любить по-настоящему.

А если она любит?

Я оттолкнулся и выпрямился, но не видел ничего вокруг. Пелена. Что если она так же любит, как поет? Тогда понятно, почему отказывается от денег и от знакомств наотрез. Такую любовь ни за какие миллионы не купишь, хоть что предлагай. На парковку ресторана въехал джип Казбека, и брат меня увидел, посигналил. Я нажал на брелок сигнализации и пошел к нему.

Документы. Мне нужны платежки.

Я найду ее в них, мне похер на все.

– Держи свои бумажки, псих, – Казбек вылез из машины с двумя толстенными папками в руках. – Ты совсем кукухой поехал, скажи мне? Палиться перед хозяином ресторана, что ты разглядываешь его кадровую бухгалтерию?

– Давай сюда, – я забрал у него все, что он добыл.

– Начерта ты сюда приехал? – Казбек меня не понимал. – Ты ж сказал, что она сегодня не поет.

Я просто на него посмотрел.

Клянусь Всевышним, Казбек, если бы я сам знал. У меня нет ответа.

– Пойдем, пожрем хоть, раз уж тут? – вздохнул он. - Я с утра не ел нихрена.

Брата покормить было надо. Да и самому снова хотелось съесть какой-нибудь кусок мяса, а потом запить чем-нибудь крепким.

– Дамы и господа, – мужской голос, который объявлял тут все мероприятия, я услышал, как только мы вошли в ресторан. – У нас изменения в программе. Сегодня для вас снова будет петь несравненная Лебедь!

В зале захлопали, а моя интуиция уже не просто завизжала. Она довольно оскалилась, заставляя и меня сделать то же самое.

– Отбой, Казбек, – я смотрел на сцену. – Эти документы нам уже не понадобятся.

Глава 6

– Добрый вечер, Шамиль Адамович!

Я мазнул по хостес взглядом.

– Ваш столик свободен, прошу за мной, – ее это нисколько не обидело, девушка знала, как зарабатывать чаевые.

В зале была нормальная температура, работали и кондиционеры, и вытяжки. Но мне все равно стало душно. Я расстегнул еще одну пуговицу на рубашке. Еще не распиздяй, но уже и не строгий бизнесменовский видок. Как раз в тему для свидания.

– Ты с этими папками на бухгалтера похож, – хохотнул за спиной Казбек.

– Теперь ты на него похож, – я на ходу пихнул их ему в руки.

– Эй, ты охренел?

– Да, – я дошел до стола и первым опустился в глубокое кресло лицом к сцене. – Именно так, Казбек.

Вот так вот.

Тут лучший вид на нее, я уже давно это место за собой застолбил официально. Сюда никого не сажали, кроме меня.

Свет в зале мягко приглушили. Оставили только один золотистый луч посреди сцены, а когда музыка заиграла, в этот круг ступила она.

Твою ж мать...

Белое закрытое платье замерцало декоративными украшениями. Текла ткань по ее фигуре, обливая грудь и бедра белоснежным сиянием. Ни единого открытого участка кожи, ни намека на дешевую вульгарность. Но от каждого изгиба и царственной осанки дышать сразу становилось сложнее.

Я впился взглядом в белую маску, что скрывала верхнюю часть лица Лебеди.

Кто ты, милая?!

Почему так прячешься? Что прячешь?

– Шама! – перед моим лицом щелкнули пальцами. – Ты оглох, блядь?

Я повернул голову к брату.

Он сидел сбоку с раскрытой папкой меню в руках, а рядом переминался с ноги на ногу молоденький официант.

– Я тебя третий раз спрашиваю: есть что будешь? – прошипел Казбек. – Завис, блядь, как малолетка на первой шлюшке!

За шлюшку Казбек еще выгребет, это определенно.

Я не стал ему отвечать, посмотрел сразу на официанта:

– Кусок мяса и кофе черный без сахара.

– Прожарку какую желаете? – он сразу же начал черкать в своем блокнотике.

– Велл дан, – я отвернулся от него.

Нахер всех! У меня тут царица перед глазами стоит!

Первые тягучие аккорды прошли, и Лебедь поднесла микрофон к ярко накрашенным губам. Низкий грудной голос ударил под ребра. Поставил мне всю шерсть по телу дыбом.

Она пела и медленно, почти невесомо вела свободной рукой по стойке микрофона. Длинные тонкие пальцы сомкнулись вокруг холодного блестящего металла, погладили его...

Да я реально как малолетка!

Низ живота налился тяжестью. Член подпрыгнул за секунду, надул брюки в паху бугром. Сука-а... В голове билась только одна горячая мысль: вот точно так же она будет мой ствол сегодня ночью гладить.

Вот точно так же!

Я откинулся в кресле, давая хоть какую-то свободу напрягшемуся братишке в боксерах, и махнул рукой администратору.

– Да, Шамиль Адамович? – она образовалась рядом почти моментально.

– Тысячу и одну белую розу сделай, – я смотрел только на Лебедя. – Быстро сделай, чтобы к концу выступления цветы были.

– Сейчас закажем, – девчонка соображала быстро. – Оплачивать сразу будете или в счет включить?

Я достал бумажник из кармана, вытянул карточку и подал ей.

– Все поняла, сейчас все сделаем, – она мимолетно коснулась моего локтя, а мне вдруг захотелось его отдернуть.

– Ваше горячее, господа! – персонал у столика сменялся как пешки. – Стейк для вас, и для вас жаркое, прошу.

– О, тема, – Казбек еде был явно рад больше, чем мне сейчас.

Я слышал, как он стукнул вилкой по тарелке, скрипнул по ней ножом. Но у меня аппетита уже не было. У меня сейчас только определенного рода аппетит и вот его удовлетворить я хочу куда сильнее.

Всего ведь три песни будет. Она всегда поет три песни.

– Ебанулся пацан, – Казбек жевал и ржал одновременно. – Тыщу роз? Шама, ты ей еще серенаду спой под балконом. Она ж певица, ей понравится по-любому.

– Казбек, жри молча, – я поглядел на него.

Он еще сильнее заржал, а меня снова потянуло к сцене. Вовремя!

Лебедь обернулась, посмотрела на наш столик. В прорезях маски темные карие глаза чуть блеснули от софитов. Узнала!

Я это понял, потому что ее плечи чуть напряглись.

Пропала расслабленность и томность на секунду. Голос не дрогнул, да и себя в руки она взяла сразу же. Но эта сраная секунда была! И глаза она не отвела, мы сцепились взглядами.

Лебедь продолжила петь. Не сбилась ни с ритма, ни со слов.

Бля, вот это выдержка!

Волоски на теле встали дыбом повторно от дикого хищного восторга. Истинная королева Лебедь! Она меня знает, она меня видит, понимает прекрасно, зачем я тут сижу, но держится как кремень. Железные нервы у птички. Не как у всех моих остальных баб, которых я валял. С ними становилось скучно уже через час, их покладистость и покорность раздражала. А заломать вот такую, гордую и сдержанную, услышать, как ее голос сорвется на стон подо мной...

Никогда до этого меня от женщины так не пробирало.

Я обжег горло горячим кофе, чтобы хоть немного очухаться.

Программа Лебедя уже подходила к концу, а цветов до сих пор не наблюдалось. От этого вспыхнула даже не злость, почти ярость. Я же сказал – до конца выступления успеть!

Музыка резко оборвалась, и зал взорвался аплодисментами.

В этот же самый момент админ в зал забежала. Распахнула двери двум щуплым парням из доставки, несущим здоровенный букет. Широкая, тоже белая лента едва сдерживала упругие зеленые стебли.

– Вовремя, блядь! – я встал и пошел к ним навстречу, не обращая внимания на оклик Казбека.

Букет я забрал одной рукой.

Вес приличный, но в зале куда больше приходится тягать, так что...

– Веди к ней, – я повернулся к администраторше.

– Шамиль Адамович, – девчонка раскрыла рот в растерянности.

– Ве-ди.

– Я не могу! – она даже отступила от меня. – К госпоже Лебедь нельзя, у нас же приказ от руководства. Я могу передать букет и...

Я улыбнулся ей ласково, почти как сестренке:

– Я позову своих парней и все равно пройду, да? Вашей охране вчера мало было?

Двое охранников, которые уже приближались к нам, энтузиазм неожиданно потеряли.

Им вчера всем тут по носу нащелкали мои ребята.

Куча охраны осталась куковать в здании, не имея возможности даже выйти. Терять челюсти и заживлять потом отбитые части тела за чужого, в общем-то, человека никто не хотел.

Поняла это и администраторша.

– Меня уволят, Шамиль Адамович, – прошептала она отчаянно.

Я прижал букет к груди, достал бумажник и захватил оттуда налички сколько получилось. Сунул девчонке в руку стопочку из пятитысячных купюр.

– На первое время хватит? Потом работу найдешь. Веди, давай, не делай мне нервы.

Она заколебалась, глядя то на меня, то на деньги.

Инстинкт самосохранения и жадность выиграли, и девушка выхватила из моих пальцев наличные. Спрятала их в карман пиджака.

– Идемте, только быстро, пожалуйста.

Я усмехнулся.

Вот так вот и делается. Все можно купить в этом мире, вопрос только в цене. Просто Лебедь стоит дороже десяти миллионов, это я уже понял.

Я вышел за администратором в служебный коридор максимально аккуратно, чтобы не ободрать цветы о дверной проем. Тут было светлее, чем в зале, и музыка уже не долетала.

– Стой, – я перехватил девчонку за плечо, когда она остановилась у одной из белых дверей. – Скажи просто, что цветы принесли, про меня ни слова, ясно?

– Да, – она закивала. Постучала в дверь и открыла ее немного после разрешения. – Госпожа Лебедь, простите за беспокойство. Вам тут передали цветы.

– От кого?

Голос был ее, но уже не такой торжественный, как на сцене.

Тоже красивый, но заметно уставший.

– Э-э, – администраторша коротко взглянула на меня. – Я не уточнила, простите. Гость попросил передать после выступления.

– Тогда выбросьте их.

Я охренел до бессознательности.

Чего, блядь?!

Ни одна женщина не смела выбрасывать мои подарки в помойку! Планку внутри сорвало в тот же миг. Я схватил свою помогайку за плечо, чтобы отодвинуть в сторону, но рядом раскрылась еще одна проходная дверь.

– Господин Бисланов, остановитесь! – в коридор выскочил Сахаров, а за ним три охранника. – Карина, закрой дверь изнутри, быстро!

Глава 7

Цветы рухнули на пол. Я подхватил администраторшу подмышки и передал ее в руки Сахарова как ребенка.

– Ой, мамочки! – накосячившая девчонка взвизгнула от такого действа, но мне уже было все равно.

Я рванул на себя дверь гримерки.

Значит, Карина? Оч-чень приятно, дорогая!

Защелка на двери изнутри была хлипкая. Такую вынести с пинка ничего не стоит, но Сахаров же вроде приличный? Долбиться будет, но минут пять у меня точно есть. Для первого тесного знакомства хватит.

– Ну, привет, – кровь в венах бурлила как в джакузи. – Моя птичка.

Лебедь все еще была в своем концертном наряде и с маской, мать ее, на лице.

Ничего мне не ответила. Глянула презрительно, стянула с руки белую перчатку и бросила ее на столик с зеркалом.

– Воспитанные люди здороваются при встрече, – меня перло просто даже от того, что я ее перед собой вижу и от того, как я этого добился.

– А другие воспитанные люди в гости заходят только по приглашению, – отбрила она своим идеальным голосом.

– Значит, мы совпали? Приятно встретить такую же невоспитанную, как ты сам, женщину, – я оскалился. – Это возбуждает!

Мне достался еще один взгляд, еще презрительнее, чем до этого был.

– Не хотите удалиться? – Карина Лебедь показала аккуратным пальчиком на дверь, за которой что-то выл ее работодатель. – Вас там, кажется, очень хотят видеть, в отличие от меня.

– В отличие от тебя господин Сахаров не так красив и груб, – я жрал ее глазами. – Мне с тобой приятнее в одном помещении находиться.

– А мы перешли на «ты»?

– Какие могут быть условности между будущими любовниками? – от ее холода я кипел.

Карина усмехнулась.

Поняла, что как дикарь я на нее набрасываться не стану. Ожила немного, приободрилась даже. Выгнула длинную красивую шею, смерила меня взглядом с ног до головы.

– А вы не просто нахал, господин Бисланов. Вы еще и самоуверенны до чертиков, да?

– Приятно, что ты меня узнала, – я прошел пару шагов по гримерке, взял стул от соседнего зеркала и оседлал его задом наперед. Сложил руки на спинке. – Расскажешь, как сбежала в прошлый раз?

– Задела ваше эго? – под маской было не видно, но я бы поклялся, что она иронично приподняла бровку.

Я на вопрос внимания не обратил. Слушал звук голоса и просто смотрел. Твою же мать, я хочу видеть ее лицо полностью!

В дверь уже не просто долбили кулаками, ее пытались выломать снаружи.

– Карина?! – надрывался Сахаров. – У тебя все хорошо?! Бисланов, если ты сейчас сам не выйдешь, я вызову ментов, и ты поедешь в отделение, понял меня?!

– Максим Олегович, все хорошо! – громко и совершенно спокойно обратилась к нему Лебедь через дверь. – Мы закончили, господин Бисланов уже уходит.

– Ошибаешься, милая, – я улыбнулся ей. – Мы еще даже и не начинали.

Она медленно стянула перчатку с правой руки тоже.

Кольца на пальчике не было. Не замужем на самом деле или снимает перед выходом на сцену?

– И с чего же вы обычно начинаете, господин Бисланов? – она подняла руки и вынула из одного ушка тяжелую серьгу. – С выбитых дверей? С букета цветов, которым можно подмести парковку?

Язва какая, а.

Любая другая на ее месте бы сейчас визжала от страха или таяла от того, что я тут ради нее вытворяю. А эта стоит в метре и нагло и отчаянно меня стебет!

– Цветы тебе чем не угодили, Карина? – я специально выделил ее имя голосом, наблюдая за реакцией.

Она не вздрогнула. Сузила глаза в прорезях маски и только.

– Тем, что я не принимаю подарков от мужчин, которых я не знаю и знать не желаю.

– Ну, вот теперь знаешь, – я хмыкнул. – Меня зовут Шамиль, можно называть Шама, я не обижусь. Так даже интимнее, согласись?

– Мне не интересно ваше имя, – она посмотрела на меня через зеркало. – Ни полное, ни сокращенное. Вы ворвались ко мне в гримерку, напугали персонал, устроили какой-то цирк в приличном заведении. Чтобы что? Показать, что у вас много денег и мало тормозов? Так я в курсе. О вас в Красной Поляне многие слышали.

– И что же обо мне слышала ты?

Кусаться с ней было приятно.

Я краем глаза следил за защелкой на двери и понимал, что радость скоро закончится. Нужно что-то предпринимать.

– Что вы привыкли покупать все, что приглянется, – Карина повернулась ко мне лицом и скривила губы. Обхватила себя руками, будто обняла и закрылась от меня. – Земельные участки, машины. Женщин... Вот только я не продаюсь, господин Бисланов. Ни за миллион, ни за десять.

Разболтал ей Сахаров, разумеется.

Предупредил, вот она и успела слинять, я был прав. А еще она наблюдательная и умная, это тоже понятно. От ее колючей гордости в паху опять стало тесно. Голос, горьковатый свежий запах туалетной воды, соблазнительно женское тело в красивом платье... Мне стоило огромных усилий, чтобы не встать и не вжать ее в это дурацкое зеркало.

Не подчинить прямо здесь и сейчас, пока еще есть время.

Держало только одно – желание, чтобы она захлебнулась от восторга подо мной сама. По своему желанию. Сломать можно, радости будет мало. Это не дешевка из второсортного клуба, это Лебедь.

Я поднялся и отставил стул в сторону.

– Красиво говоришь. Прямо как поешь. О большой любви и настоящей гордости.

Она отступила, едва я шагнул ближе.

Напряглась, потому что дальше отступать было некуда. За спиной у нее оказался столик с зеркалом. Гримерка была невеликих размеров.

Но все равно не показала мне свой страх ведь!

Вздернула подбородок, уставилась мне в глаза снизу вверх.

– Есть кто-то? – я подошел совсем близко. Так, что она плотно упакованной в платье грудью моей груди касалась почти. – Муж? Любовник? Из-за чего ты от всех как от чумы шарахаешься?

От ее тела шло такое живое тепло, что у меня ноздри раздулись на вдохе. От аромата ее кожи, от предельной близости.

– Моя личная жизнь вас не касается, господин Бисланов!

– Меня теперь все в твоей жизни касается, – я поднял руку.

Прежде чем она успела отвернуться, коснулся краешка легкой белой маски на острой скуле.

Карина дернулась как от удара током!

Вскинула руки и перехватила меня за запястье, не позволяя коснуться даже атласной ленты на маске. Жаркие, сухие ладони... Не так я себе представлял изнеженных белоручек, чьей работой было носить микрофон и бокал с шампанским по вечерам.

Странно...

– Не смейте! – в карих глазах впервые за наш разговор мелькнула настоящая паника. – Не трогайте меня!

Она сжимала мою руку так сильно, что я замер. И страх этот... Боится же до усрачки показать лицо. Меня не боится, охраны моей не боится, а вот за кусочек белого пластика...

Странно, что пиздец.

Дверь от ударов уже раскрывалась насколько-то. Я слышал, как она долбится в дверном проеме. Оставалось всего несколько секунд.

– Ладно, птичка, – я провернул запястье в ее ручке. Перехватил ее пальчики, зажал на секунду в ладони. – Пока играем по твоим правилам. Пока.

Я наклонился к ней. Коснулся носом белокурых локонов возле ушка:

– Но маску эту ты передо мной снимешь сама и очень скоро. Сразу же после платья.

Она выдернула свою руку, будто обожглась.

Защелка на двери вылетела, освобождая ее. Грохот раздался такой, что слышали в зале, наверное. В гримерку влетел красный как рак Сахаров, а за ним неожиданно Казбек с охранником в каждой руке.

– Шамиль Адамович!

– Шама, е-мое! – возмущение брата поразило даже сильнее. – Ты чо тут устроил, я даже мясо доесть не успел!

– Тихо! – я на них не смотрел. Я не мог взгляда отвести от злых сверкающих глаз моей Лебеди. – Все нормально, мы с Кариной договорились уже. Да, милая?

Ее ненависть ощущалась физически.

Кололась маленькими иголочками. А внутри у меня бился чистый азарт. Чистейший! Голос ее я знаю. Страхи. Имя тоже известно. И еще одну деталь тоже узнал, когда она махнула рукой перед моим лицом.

И вот как раз поэтому я додавливать ее сегодня не буду.

Пусть дозреет моя прекрасная.

– Завтра у нас с тобой ужин в восемь, – пообещал я Лебеди. – Будь готова, моя птичка, я заеду.

Глава 8

– Всего доброго!

Я шагнул мимо Сахарова и не смог сдержать довольной ухмылки.

Лицо у ресторатора было багровое. Губы тряслись, желваки на скулах ходили, но сделать ничего не мог. Карина была в порядке, он же видел. Только воздух ртом хватал, как рыба.

Красота! Какие ко мне претензии? Никаких.

Просто зашел пообщаться к красивой женщине.

– Да брось ты их, брат, – махнул я рукой Казбеку. Он продолжал держать двух охранников за воротники, тоже прибалдев от того, что в гримерке ничего страшного не происходит.

– А-а... Ага, – он разжал пальцы.

Помятые парни синхронно попятились к стене. Ни один даже не дернулся в мою сторону. Умные ребята, быстро соображают, что инстинкт самосохранения важнее должностной инструкции.

Мы вышли из гримерки в светлый служебный коридор.

– Ох, е, – я отступил в сторону.

Прямо у дверного косяка на полу распластался третий боец Сахарова. Лежал себе тихонько, прикрыв глаза. Постанывал глухо, держась за солнечное сплетение. А вокруг него белым ковром валялись растрепанные розы.

– И этого ты уработал? – я весело поглядел на Казбека.

– Не, он сам упал, – брат так же весело хмыкнул. – Невоспитанные они тут оказались. Не люблю таких. Я вежливо попросил пройти, а они не поняли.

Я коротко хохотнул от ответа, и мы пошли обратно в зал ресторана.

Накосячившая перед работодателем администраторша уже смылась, но мне она уже была и не нужна. В груди так распирало от шального, горячего веселья и предвкушения, что я шел по коридору обратно в зал и скалился во все тридцать два зуба. Каждая клетка тела гудела. Давно меня так не штырило, ох давно!

– И что теперь? – спросил Казбек, когда мы вышли в приглушенный полумрак основного зала.

Народ за столиками мирно жевал и пил вино, даже не подозревая, какие страсти только что кипели за стенкой.

– Ну, ты же сказал, что мясо не доел, – усмехнулся я, направляясь к нашему дивану у сцены.

– Что-то мне перехотелось тут есть, – брат с подозрением покосился на барную стойку, за которой перешептывались официанты. – Все остыло, а новое закажу – они мне в это жаркое от большой любви так плюнут, что я потом неделю с фарфоровым другом обниматься буду. Ну их нахер с такой кухней.

– Ну, тогда забираем документы и в офис, – легко согласился я.

Казбек притормозил на полшага и уставился на меня как на умалишенного:

– А зачем они тебе уже? Ты ж ее нашел! На кой черт нам теперь эта макулатура сдалась?

– Я узнал только имя, брат. А еще мне нужен ее адрес и счет.

Мы подошли к нашему столику. За цветы я уже расплатился картой, поэтому молча вытянул из бумажника пару крупных купюр за ужин и бросил их рядом с приборами.

Казбек сгреб с кресла пухлые картонные папки с бухгалтерией Сахарова.

– Блядь, опять я как грузчик с этими архивами таскаюсь, – беззлобно матерился он себе под нос, пока мы шли через зал к выходу и дальше на парковку.

Прохладный горный воздух приятно остудил разгоряченное лицо. Казбек открыл багажник своего здорового черного джипа, с глухим стуком сгрузил папки внутрь и захлопнул крышку.

– В офис, да? – крикнул он мне через крышу машины.

– Давай, встретимся на месте! – я сел за руль своей тачки, завел мотор и первым вырулил со стоянки на трассу.

Фары резали темноту, за окном мелькали огни Розы Хутор, а веселье внутри меня постепенно сменялось тяжелой, сосредоточенной задумчивостью.

Я нахмурился, сильнее сжимая кожаный руль.

Пока я стоял с ней в этой тесной гримерке и вдыхал ее запах, меня вел чистый мужской инстинкт. Охота, адреналин, желание завалить неприступную королеву. Но сейчас, когда голова немного остыла, пазл в мозгах начал складываться в какую-то очень странную и нехорошую картинку.

Ее руки.

Тонкие, красивые, без колец, но с сухой кожей на подушечках пальцев и въевшимся запахом бытовой химии. Его даже туалетная вода не перебила. И этот дикий, животный ужас в ее карих глазах, когда я потянулся к маске...

Не ломалась она передо мной и цену себе не набивала. Тут вообще не про кокетство история. Какая-то серьезная ерунда за этой маской творится, я нутром чую.

Мы пригнали в офис двумя машинами почти одновременно.

Несмотря на поздний час, на нашем этаже еще горел свет. Длинноногая секретарша Инга при виде нас тут же вскочила из-за ресепшена, одергивая узкую юбку.

– Шамиль Адамович, Казбек Адамович, добрый вечер! Кофе сделать?

– Два черных, крепких, – бросил я на ходу, направляясь в свой кабинет.

– И пожрать чего-нибудь закажи, пожалуйста, солнышко! – взмолился следом Казбек, снова таща за мной ненавистные папки. – Только нормального, мясного, а то твой шеф меня сегодня голодной смертью уморить решил! А я не согласен, если что!

Я прошел к широкому дубовому столу.

Намек услышан, братишка. Он вывалил документацию «Кавказского Лебедя» прямо передо мной. Я придвинул половину стопки к себе, вторую толкнул через стол брату. В дверь тихонько постучали, секретарша поставила перед нами две чашки дымящегося эспрессо и бесшумно исчезла.

– Ищи Карину, – скомандовал я, отхлебнув горячий кофе. – Не думаю, что у Сахарова дохрена Карин в штате числится.

Казбек со вздохом щелкнул резинкой на первой папке, откинулся на стуле и лениво перевернул лист.

– А чо, имя красивое, – протянул он с ухмылкой. – Ка-ри-на. Звучит! Да и телка так-то ничего, симпатичная. Фигурка у нее в этом белом платье просто пушка, я в дверях заценил...

Я медленно поднял голову от бумаг и уставился на брата.

Во взгляде у меня, видимо, было что-то такое, от чего у Казбека улыбка сползла с лица за долю секунды. Он даже корпус назад подал и выставил перед собой открытые ладони:

– Тише, тише! Успокойся, Шама! Ты чего так бычишь сразу?! Я ж просто сказал, я не претендую!

Я молча буравил его глазами еще секунды три, пока тихий рык в глотке не утих. Брат мне родная кровь, я за него любому глотку перегрызу, но сейчас за это пренебрежительное «телка» и взгляды на изгибы Птички хотелось въехать ему кулаком прямо через стол.

– Ищи, – глухо и очень тихо уронил я.

– Рехнулся, – резюмировал брат и тоже склонился над своей папкой.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая только шелестом переворачиваемых страниц. Мы просмотрели уже по две папки, когда брат снова не выдержал. Спросил уже совсем другим, серьезным тоном:

– Слушай, Шама... А ты с ней долго вообще развлекаться собираешься?

Я резко захлопнул папку.

– Казбек, блядь, это моя женщина! – рявкнул я, не сдержавшись. – Какое развлекаться?

Брат округлил глаза:

– Прям твоя? Ты за пять минут это понял?

– Прям моя! – отрезал я.

Сказал вслух – и сам от собственных слов на секунду ошалел.

Я даже лица ее целиком без маски не видел! Один раз в гримерке за запястье подержал – и все, внутри как бетонная плита опустилась.

Моя птичка. Моя только.

Слева где-то закололо ощутимо. Я на самом деле переживаю за нее.

Перед глазами снова вспыхнули ее расширенные от ужаса карие зрачки, когда мои пальцы коснулись края белой маски, и то, как отчаянно она вцепилась в мою руку. Не просто так эта гордая, смелая женщина боится себя раскрыть. Что-то там действительно серьезное за всем этим маскарадом стоит. И меня она испугалась не потому, что я нахал с деньгами, а потому, что боится быть рассекреченной!

А вдруг ей грозит какая-то реальная опасность? Вдруг она прячется от кого-то под этим дурацким сценическим псевдонимом и маской, а Сахаров ее покрывает?

В груди уже не кололо, там уже пекло как в аду.

Она же совсем одна. И хрен там плавал! Я не позволю моей птичке чего-то или кого-то бояться в этом городе! Кто ее защитит, если не я?

– Нашел! – обрадовался неожиданно Казбек. - Туркубиева Карина Руслановна.

Я подался вперед через стол, но брат тут же перевернул еще один лист в папке и озадаченно почесал затылок:

– Погоди-ка... Тут вот еще одна Карина есть. Смолова Карина Алексеевна. Тоже по договору проходит. И какая из них твоя Лебедь?

– Моя Руслановна, однозначно, – отрезал я и забрал у него нужный документ.

– С чего ты взял? – удивился Казбек. – В ведомости же не написано, кто из них в маске поет!

– Разрез глаз, – я пробежал взглядом по строчкам. – Она с Кавказа, зуб даю. Этот взгляд и породу ни с чем не спутаешь, хоть десять масок нацепи.

В этот момент дверь кабинета распахнулась снова, и секретарша внесла большой поднос, уставленный контейнерами и тарелками из соседнего ресторана. По кабинету тут же поплыл густой, одуряющий аромат горячего шашлыка, свежей кинзы и чесночного соуса.

– Ура, блядь, наконец-то можно пожрать! – Казбек мгновенно забыл про всех Карин на свете, потер руки и пододвинул поднос к себе. – Спасибо, красавица, ты мне просто жизнь спасла!

Секретарша кокетливо улыбнулась и вышла, а я даже не посмотрел в сторону еды. Вытащил из кармана телефон и принялся быстро переписывать себе в заметки все данные Туркубиевой Карины Руслановны: паспорт, номер телефона, банковский счет, куда Сахаров переводил ей гонорары, и адрес фактического проживания.

Улица, дом, квартира...

Адлер, не Поляна. Значит, она мотается постоянно туда-сюда.

В гримерке я пообещал ей, что приеду завтра к восьми вечера. Красивый ход, чтобы заставить ее сутки нервничать и ждать меня. Только сейчас я вдруг четко понял: ждать до завтра будет непроходимой тупостью.

Если она так панически боится разоблачения и уже поняла, что я вцепился в нее мертвой хваткой, она не станет сидеть и покорно ждать восьми вечера. Она может сорваться с места и снова исчезнуть. Или вляпаться в то, от чего прячется, что гораздо хуже.

Надо ехать сегодня. Прямо сейчас!

Я поднялся из-за стола и сгреб со столешницы ключи от машины.

Казбек, который как раз отправил в рот здоровый кусок люля-кебаба, чуть не подавился. Закашлялся, стукнул себя кулаком в грудь и уставился на меня выпученными глазами:

– Кх-кх... Ты куда намылился?! А поужинать?!

– Поеду, прокачусь.

– Шама! – возмущенно позвал он меня. – Опять?!

Но я уже вышел в приемную.

– Я на телефоне, – предупредил секретаршу, и она понятливо кивнула.

Тяжелая дверь кабинета с грохотом распахнулась, и Казбек выскочил в коридор следом за мной, на ходу вытирая губы бумажной салфеткой:

– Шама, твою мать! Подожди! Куда ты сорвался опять?! Ты же сам при мне в гримерке сказал ей про завтра в восемь!

Я остановился.

Азарт и недавнее веселье окончательно выветрились. Надо было решать вопросы и делать это одному.

– Она чего-то очень сильно боится, брат, – я поглядел на Казбека. – И я найду – чего.

Глава 9. Лебедь

– Карина, скажи, чем тебе помочь?

Пальцы у Сахарова немного подрагивали.

Я натянула свою ветровку, вытащила из-под нее волосы и обернулась к нему. В коридоре на полу двигались цветы. Уборщица сметала их в кучу, чтобы собрать. Жалко... Красивые были. А теперь только зеленые сочные пятна на покрытии остались и разбросанные лепестки.

Я перевела взгляд на ресторатора и мягко улыбнулась:

– Максим Олегович, вы и так мне очень помогаете. Правда.

– Он же не отстанет, да? – Сахаров понизил голос и тоже обернулся на раскрытую дверь. – Он тебе угрожал? Что говорил?

Я снова тактично улыбнулась.

После ухода Бисланова я попросила всех выйти и переоделась. И если охранники ушли окончательно, то вот Максим Олегович как страж стоял у дверей без защелки и охранял меня сам.

Подтверждать или отрицать что-то не имело смысла.

– Максим Олегович, завтра я тоже выйду на сцену, ладно? – тихо попросила я.

Сахаров тяжело вздохнул и потер лицо сразу обеими ладонями:

– Кариш, ну куда ты завтра пойдешь? Он же вернется! Давай я сам заплачу в клинику за этот месяц? Посиди дома хотя бы неделю, пережди, просто отдохни по-человечески! Ты же на ногах еле стоишь.

Я покачала головой.

Уплата суммы с пятью нулями все ближе, я понимала. Но заплатить я ее должна сама, это мой долг. Бисланов не отстанет, я тоже это понимала. А вот что мне с этим делать – пока не очень понимала.

– Нет, Максим Олегович. Так нельзя.

– Да почему нельзя-то?! – в сердцах повысил он голос. – Я тоже друг Тимура! Мы с ним столько лет друг друга знали, за одним столом сидели! Почему ты не позволяешь мне ему помочь хотя бы деньгами?!

– А я его жена, – просто ответила я.

Сахаров осекся. Посмотрел на меня долгим, тоскливым взглядом и виновато опустил плечи. Он знал, что спорить со мной на эту тему бесполезно.

Понимал, что я таким образом мужу платила.

За те годы, что мы были вместе. За ту любовь, которой он меня окружал.

Поэтому вешать его на чужую шею не могла. Это мой крест. Мой долг. Моя вина за то, что в той проклятой аварии выжила я, а не он.

– Я тебе такси вызвал, – Сахаров смирился. – Хотя бы это я могу для тебя делать?

– Только давайте без бизнес-класса? – я понимала его чувства. Сама испытывала то же самое. – Мне неудобно, правда.

– Да ну тебя, – он махнул рукой. – Давай хоть провожу.

– Не надо, – я вздохнула. – До завтрашнего вечера все будет спокойно, поверьте мне, Максим Олегович.

– Ну, смотри. Не переубедить тебя ни в чем.

Такси ко входу, конечно, приехало повышенного класса.

Я села в приятно пахнущий салон и поджала губы от горечи внутри. Хороший человек Максим Олегович. Я не удивлена, что Тимур с ним довольно близко общался.

За окном бежали огни.

Такси выехало с Розы Хутор и помчалось вдоль скалистых обрывов к Адлеру.

Я прижалась виском к прохладному стеклу. Ночь за окном стояла потрясающе красивая. Черные силуэты гор четко вырисовывались на фоне глубокого звездного неба, мосты были подсвечены огнями и казались волшебными. Только внутри у меня было черно и пусто. Как в сгоревшем доме.

Где взять нужную сумму я не знала...

Еще одну работу искать? Я просто не выживу. Спать перед отелем оставалось около четырех часов, а потом снова в ресторан после смены. Если бы можно было бы не спать совсем...

Я поблагодарила водителя, когда мы доехали до адреса. Толкнула скрипучую деревянную дверь подъезда и на цыпочках прошла по бетонному полу к своей съемной однокомнатной квартире на первом этаже. Обычная старая двухэтажка советской постройки, всего на восемь квартир. Почти все окна уже были темными – соседи давно спали.

Я тихонько повернула ключ в замке. Вошла внутрь, защелкнула засов, привалилась спиной к входной двери... И прямо в темноте прихожей закрыла лицо двумя руками.

Меня прорвало.

– Не могу больше-е-е...

Я зажала рот и беззвучно, страшно зарыдала. Слезы катились градом, обжигая щеки и затекая за воротник куртки, а грудь рвало от невыносимой усталости.

Господи, как же я измучилась...

Шесть лет. Шесть бесконечных лет я живу как загнанная лошадь, которой нельзя ни споткнуться, ни заболеть, ни пожаловаться. И выгляжу так же! Ничего от былой красоты не осталось! Я судорожно считаю каждую копейку, мою чужие унитазы по утрам, пою перед пьяными толстосумами по вечерам и держусь буквально за воздух от отчаяния!

А теперь еще и этот Бисланов!

– Стой, – я начала зло стирать ладонями слезы со щек. – Карина, хватит!

Поревели и будет.

Надо жить дальше. От моих соплей счета из клиники сами собой не закроются. Да и соседей сейчас перебужу – стены в этой старой двухэтажке картонные, слышимость просто прекрасная.

Я заставила себя подняться, стащила куртку с ботинками и поплелась в крошечную ванную. Надо было помыться и поесть.

После душа меня ждал творог со сметаной и сгущенкой.

Холодный, безвкусный. На еде я экономила давно. Но пихала в себя ложку за ложкой, чтобы на смене завтра в обморок не упасть. Расклеюсь я – погибнет Тимур.

– Завтра на ужин в восемь, – я глухо усмехнулась и воткнула ложку в остатки творога.

Бисланов уже знает мой адрес, это совершенно точно.

Для него, наверное, нет ничего неосуществимого с такими-то капиталами. Да и пусть приезжает! Меня здесь в восемь часов как раз не будет.

Я убрала тарелку в мойку, расстелила диван и взяла аптечный крем для рук. Кожа сохла. От постоянной уборки профессиональной химией перчатки не очень спасали, контакт с водой все равно был постоянным.

Свет от автомобильных фар ударил по окну.

Заплясали лучи по потолку, потому что машина не думала даже уезжать. Корячилась во дворе дома, заливала светом тонкие шторы.

А если это Бисланов?

Я резко села на постели.

– Карина, ты сходишь с ума... Зачем ему приезжать сейчас, если он сказал, что приедет завтра?

В тишине спящего подъезда раздались шаги.

Спокойные, негромкие, но очень уверенные. Кто-то поднялся по короткой лестнице от входной двери и остановился на площадке первого этажа. Я медленно легла обратно и натянула одеяло до самых глаз.

Да ну, нет... Это не он...

Глава 10

Я резко вскинул голову и проморгался.

Тук! Тук!

В водительское окно настойчиво, с каким-то даже металлическим лязгом, долбили тростью. Рядом с дверью машины стояла сморщенная сухая бабуля в платочке. И вид у нее был не самый дружелюбный почему-то.

Я обалдел. Провел ладонью по лицу, сгоняя остатки тяжелой дремоты, и нажал кнопку стеклоподъемника.

Стекло плавно поползло вниз.

– Вы кто? – без всяких предисловий строго потребовала отчета бабуля, вытягивая шею и заглядывая ко мне в салон.

Я охренел еще сильнее.

Давно меня так с пинка на допрос не затаскивали. Ответить ей грубо помешал только ее почтенный возраст, не привык я сходу старушек нахер посылать как-то.

– Доброе утро. Я друг Карины, – максимально вежливо ответил я, кивнув на окна за спиной старушки. – Которая на первом этаже живет.

Бабуля поджала губы, смерила меня с головы до ног крайне подозрительным взглядом и безапелляционно отрезала:

– У Кариночки нет таких друзей!

Я мгновенно подобрался. А это уже интересно!

– А какие есть? – уточнил я, прищурившись.

– У нее никаких друзей нет! – гордо отчеканила старушка, опираясь обеими руками на набалдашник трости. – Кариночка очень приличная, тихая женщина и занята только работой! Никаких мужиков к себе не водит и по ночам на таких машинах не катается. А вас я тут впервые вижу, у нас двор маленький, все как на ладони. Так что имейте в виду: если вы сейчас же не уедете, я вызову полицию! Вы тут всю ночь стоите, я видела!

Я уставился на нее.

Это она меня, получается, с трех часов ночи из-за занавески караулила?! Вот это служба безопасности в старом фонде Адлера! Моим парням поучиться надо.

Я скосил взгляд на приборную панель. На часах было ровно восемь.

Ничерта себе меня вырубило под утро...

Я ведь полчаса под дверью Карины промялся в ночи. Как пацаненок застенчивый. Рука уже поднялась постучать, но в последний момент я сам себя тормознул. Представил, как она там вздрогнет в темноте, вспомнил ее побелевшие пальцы на своем запястье и дикий ужас в карих зрачках. Ломиться к одинокой женщине в три часа ночи – верный способ довести ее до сердечного приступа или заставить замкнуться окончательно. Но сейчас на панели горели вполне себе уже приемлемые цифры.

Пора идти знакомиться по-нормальному.

Я толкнул водительскую дверцу и выбрался из салона на асфальт, разминая затекшие плечи.

Бабуля невольно отступила на шаг назад и задрала голову кверху – ростом она была почти вполовину ниже меня. Едва до груди доставала, но трость на всякий случай перехватила поудобнее, как штык.

– Я вот сейчас к ней пойду, – миролюбиво усмехнулся я, захлопывая дверцу. – И вы сами убедитесь, что я действительно ее друг.

Старушка ехидно фыркнула:

– Хорош друг, нечего сказать! Даже не знает, что Кариночка на работу уезжает в шесть утра, а не в восемь!

Я замер. Улыбаться резко перехотелось.

– Как в шесть утра?

В голове щелкнул калькулятор.

Она же вчера из Поляны только во втором часу ночи уехала! Пока добралась до Адлера, пока то-се... Я приехал почти в три часа ночи, и у нее в комнате еще горел свет.

Это сколько же она спала, получается?! Три часа всего?!

Я посмотрел на бабулю:

– Мать, а ты ничего не путаешь?

– Какая я тебе мать? – возмутилась она от души. – Я еще из ума не выжила, чтобы путать! А ты – уезжай отсюда или я наряд вызову. У меня внук в полиции работает, он быстро приедет и с тобой разберется!

Я перевел взгляд мимо грозной пенсионерки на окна первого этажа.

Точно. Тонкие шторы, которые ночью были плотно задернуты, сейчас висели раздвинутыми, света внутри не было, а форточка была плотно закрыта.

На самом деле уехала...

Я медленно выдохнул и снова потянул на себя ручку водительской двери.

– Все, мать, не переживай, – поднял я одну ладонь, садясь обратно за руль. – Поехал я, поехал. Спи спокойно.

– То-то же! – победно припечатала бабуля, стукнув тростью об укатанную землю двора. – Ездят тут всякие на своих гробах черных, людям по ночам спать не дают!

Я не удержался и широко улыбнулся с ее слов. Боевая бабка, ничего не скажешь. Бодигард Каринин, по ходу.

Я завел мотор, аккуратно сдал задом по узкому дворовому проезду и вырулил из тихого переулка на оживленную утреннюю трассу.

Улыбка погасла, стоило выехать на прямую дорогу.

Я крепко сжал руль.

Как она в шесть утра уехала? Куда?!

Явно же не в «Кавказский Лебедь»! Ресторан Сахарова открывается только к обеду, а музыканты и артисты подтягиваются туда вообще к вечеру. Что ей делать на работе в шесть часов утра после ночной смены?!

Ответ напрашивался только один: значит, она еще где-то работает.

Не просто подрабатывает для души, а пашет как проклятая, в две смены, практически без сна и выходных!

В груди снова неприятно заворочалось тяжелое, злое чувство.

Человек гробит себя на таком графике только в одном случае – когда ему очень, до зарезу нужны деньги. Много денег.

Но куда ей столько?!

Я вспомнил обшарпанную советскую двухэтажку с облезлой штукатуркой. Квартира дешевая, на нее много денег не надо, райончик самый обычный. Куда же тогда уходят все гонорары от Сахарова и зарплата со второй работы?!

Внутри вспыхнул такой хищный интерес, что кровь по венам побежала быстрее.

С этой женщиной вообще все не так просто! У моей Птички какие-то очень серьезные тайны, и их, похоже, целая стая.

Я нажал кнопку вызова на руле, набирая Казбека.

Гудки шли долго. Наконец на том конце раздалось недовольное шуршание подушки и хриплый, совершенно сонный голос брата:

– Алло... Шама, ты на часы вообще смотрел? Какого хрена?

– Просыпайся, Казбек, время подходящее для работы. Пробей мне мою птичку снова по базам, прямо сейчас. Мне нужны все официальные места ее работы.

Брат шумно зевнул в трубку, выдохнул и вдруг выдал:

– А я уже это ночью сделал.

Я даже педаль газа слегка отпустил от неожиданности:

– Как сделал?

– Да так, – хмыкнул Казбек. – Ты когда из офиса как ужаленный улетел, мне просто стало интересно, куда это тебя так понесло. Ну, я и полез сам по налоговой и пенсионному фонду посмотреть, где твоя Руслановна еще числится.

Я нахмурился, и голос сам собой опустился на пару тонов ниже:

– Просто стало интересно, да?

– Только давай ты свою ревность засунешь с утра пораньше и куда подальше, ладно? Ненормальный! – тут же возмутился брат. – Да, мне просто стало интересно, из-за кого мой родной брат горячий шашлык на столе бросил и в ночи поскакал! Имею право знать.

– Ладно, не ори, – любовь Казбека к шашлыку не могла не восхищать. – И что ты нашел?

– Она работает еще в отеле, Шама. Официально оформлена там горничной, прикинь?

Меня словно током по позвоночнику шибануло.

Горничной!

Вот откуда этот запах химии с ее кожи!

Моя царица Лебедь! Гордая, неприступная женщина с осанкой королевы и голосом, от которого у всего зала мурашки по коже бегут... Вынуждена спать по три часа в сутки и драить чужие номера на самой низкооплачиваемой, тяжелой работе! И при этом упорно, с ледяным достоинством швыряет мне обратно мои миллионы и отказывается брать хоть копейку!

Да как так-то, блядь?!

– Казбек, в каком отеле она работает?! – рявкнул я, перестраиваясь в правый ряд.

– Щас, погоди, посмотрю. Куда я распечатку эту засунул?

Я услышал, как брат поднялся с кровати, куда-то пошел.

– Твою мать, тут такое название умное у юридического лица и на английском...

– Давай быстрее, Казбек! – нетерпеливо поторопил я.

– Да читаю я, читаю! Нет, не прочитаю, – сдался он. – А, вот фактический адрес объекта...

Брат вдруг осекся и выдал.

– Шама, иди нахер, я это английское слово все равно не прочитаю. Короче, в твоем отеле она работает. Где ты сейчас живешь.

Я уставился на лобовое стекло, не веря собственным ушам.

– В моем?!

– Ну да! По адресу один в один твой отель в Поляне.

Хищный оскал медленно наполз мне на лицо.

В моем, значит... Как удобно!

– Я понял, брат. Спасибо. Можешь досыпать.

– Вот спасибо, мой психический влюбленный родственник!

Я сбросил звонок и до упора вдавил педаль газа в пол.

В моем отеле, в моем!

Ходим с ней по одним коридорам, дышим одним воздухом. Прямо под моим носом!

Вот ты и попалась мне, птичка. Сегодня я узнаю, что у тебя за тайны. Всех горничных построю в ряд, если понадобится!

Мотор тяжелого джипа зарычал громче, и машина полетела по трассе в сторону гор.

Глава 11

– Ну, вот и узнаем, сколько камер торчит на трассе до Поляны...

Я долетел сюда минут за пятнадцать.

Превышал максимально, нарушал все правила, которые было можно. Плевать! Оплатить штрафы ничего не стоит. А вот охренеть с извращенной шутки судьбы – это да! Я этим всю дорогу и занимался!

Двое суток!

Я двое суток гоняю людей, Казбека, предлагаю всем нормальные деньги, разношу к хренам свою деловую репутацию, а моя гордая госпожа Лебедь Туркубиева все это время спокойно машет тряпочкой у меня под боком!

У главного входа отеля я затормозил, визжа резиной.

Выскочил, хлопнул себя по груди. Наличка в кармане была, хорошо. Бросил ключи швейцару на ходу:

– В подземку на мое место поставьте!

Половина девятого.

В лобби уже пахло кофе, а жильцы по одному, по два тянулись к ресторану на завтрак. Бегать и искать ее по этажам? Ха! Я привык работать головой. Зачем сбивать ноги, если можно заставить систему пахать на тебя?

Я свернул к стойке ресепшена, за которой сияли дежурными улыбками две девочки в одинаковых синих пиджачках.

– Доброе утро, Шамиль Адамович! – почти хором пропели они. – Чем можем помочь?

Ну, конечно.

Меня тут хотя бы только из-за размера чаевых знает весь персонал.

– Управляющий на месте? – я оперся на их стойку двумя кулаками.

– Да, конечно, Эдуард Львович у себя в кабинете, но у него сейчас утренняя планерка с...

– Уже закончилась его планерка, – перебил я, глянув на табличку со стрелкой «Администрация». – Провожать не надо, сам найду.

– Но Шамиль Адамович!

Я уже шагал по ковровой дорожке административного крыла.

Открыл тяжелую дверь с золотистой табличкой «Главный управляющий». Пять голов, во главе с Львовичем, повернулись ко мне.

– Шамиль Адамович? – он даже слегка привстал со своего кресла. – Что-то случилось?

– Случилось, – я вошел в кабинет.

Все понимаю. Совещания святое, но у меня вопрос не терпит отлагательств. Не перехвачу свою птичку сейчас – она опять улетит куда-нибудь. Природа у нее такая – порхать.

– Я прошу прощения, – я обвел взглядом оставшихся трех мужчин и одну женщину в коричневой униформе.

Старшая горничная?

Полезный человек тоже. Пригодится.

– Нужно поговорить, Эдуард Львович. Можем сделать это сейчас?

Головы снова дружно повернулись к их начальнику.

Тот явно чувствовал себя не в своей тарелке, но решил не спорить.

– Коллеги, прошу извинить, – он приподнял пухлую ладошку. – Основное обговорили, если у кого есть вопросы, подойдите потом лично.

– Спасибо, – я посторонился, пропуская к выходу ближайшего менеджера.

Я ж вежливый, как-никак.

– Шамиль Адамович, что случилось? – Львович показал мне на креслице напротив себя. – Надеюсь, никаких конфликтов не произошло?

– Нет, – я спокойно сел.

– Тогда что? – у него явно в голове не укладывалось, по какой причине я могу вот так влететь и выгнать нахрен его сотрудников. – Какие-то проблемы с номером? Вы недовольны нашим обслуживанием? Если кто-то позволил себе оплошность...

– Мне нужна одна ваша сотрудница. Горничная. Туркубиева Карина Руслановна.

Управляющий озадаченно моргнул за стеклами очков:

– Туркубиева?.. Простите, я не всех линейных сотрудников знаю пофамильно, у нас большой штат клининга. Она что-то испортила из ваших личных вещей? Или пропало что-то? Главное, полицию... Вы только скажите, мы сейчас же вызовем нашу службу безопасности и уволим ее по статье!

– Не вздумай, – предупредил я его.

– Что «не вздумать»? – управляющий почему-то легонько побледнел. – Не увольнять?

– Если я узнаю, что с ее головы хоть волос упал в этом отеле, всем станет очень плохо. Так себе вариант, верно?

– В-верно, – согласился он. – Но тогда я совершенно не понимаю, что случилось и что требуется от меня?

– Мне нужно узнать, – я подался вперед. – На смене ли Карина Руслановна сейчас, и в каком конкретно месте трудится в данный момент?

– Но, Шамиль Адамович! Вы могли спросить это у любой горничной! И вам бы сказали, зачем вам понадобился я?

– Но размер ее зарплаты только вы знаете и бухгалтер, я правильно понимаю? – я впился взглядом в его растерянное лицо. – И вы мне его скажете.

Львович окончательно растерялся.

Засунул пальцы за ворот рубашки, потянул его, чуть ослабляя галстук тем самым.

– Шамиль Адамович, что случилось? Вы же сам бизнесмен, вы понимаете, что такое корпоративная этика. Я просто не могу...

– Можете.

– Нет, не могу, – начал он упрямиться вдруг. - При всем моем глубочайшем уважении к вам... Внутренний регламент отеля, закон о защите персональных данных граждан. Мы не имеем права разглашать личные данные персонала без официального запроса...

Я усмехнулся уголком губ.

Ну, начина-ается...

Достал пачку пятитысячных купюр в банковской спайке из внутреннего кармана и с глухим стуком бросил ее на стол прямо перед ним.

– Вот тебе официальный запрос, Эдуард Львович. Пятьсот тысяч на развитие корпоративной культуры. Или мне позвонить вашему учредителю в Москву и попросить его лично прислать мне график работы одной горничной? Наверное, ему будет очень интересно, почему управляющий на месте не умеет решать пустяковые вопросы уважаемых гостей.

Принципиальность управляющего испарилась быстрее, чем роса под Сочинским солнцем.

Он покосился на деньги, сел ровнее и подвинул к себе клавиатуру компьютера.

– Как вы сказали? Карина...

– Туркубиева Карина Руслановна, – я сдержал ухмылку.

– Так... Кадры, кадры, – он что-то там листал. – Есть такая. Туркубиева Карина Руслановна. Работает у нас довольно давно, пару лет уж как. Зарплата у нее по средней, как у всех горничных в нашем отеле: семьдесят тысяч рублей.

Семьдесят! Всего! Мне захотелось вскочить.

Упасть на его стол и посмотреть самому:

– Фотография в личном деле есть? Покажи!

Мне до чертиков надо было увидеть ее лицо. Настоящее лицо без этой проклятой белой маски и вечернего грима!

Управляющий послушно повернул ко мне широкий экран.

– Да твою же мать!

В графе для фото висел серый пустой квадратик с силуэтом головы, а ниже был прикреплен только черно-белый скан паспорта такого отвратительного качества, будто его делали на утюг в девяностых годах. Лицо на скане превратилось в сплошное темное пятно с двумя глазами – хрен разберешь, как человек выглядит в жизни.

– Почему фотографии нормальной нет в базе?! – я практически зарычал на управляющего.

– Так для линейного персонала фото на пропуск делает служба охраны в первый день. В общую бухгалтерскую программу они не подгружаются, – торопливо оправдался Эдуард Львович и тут же нажал кнопку селектора на телефоне: – Жанна Борисовна! Срочно ко мне в кабинет! Бегом!

Старшая горничная прискакала через минутку буквально. Управляющий едва успел сбросить пачку купюр со стола в ящик.

– Вызывали, Эдуард Львович?

– Жанна Борисовна, Туркубиева у вас сегодня в смене?

Женщина покосилась на меня, но ответила:

– В смене. С семи утра, как положено. А что...

– На каком она сейчас этаже и в каком крыле? – спросил я, поднимаясь с кресла.

– Крыло «Люкс». С восьми утра она убирает с тридцатого по тридцать четвертый номера, – женщина ничего не понимала.

А вот я понимал!

Я свою птичку каждое утро видел! Я просыпался или выходил из номера, а у меня перед глазами маячила горничная в дурацком п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.